

ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМ: ПАРАДОКС КАК МЕТОД

Шульц Владимир

Леопольдович – доктор философских наук, член-корреспондент РАН. Московский государственный университет им. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: cona01@yandex.ru

Любимова Татьяна

Михайловна – доктор философских наук, профессор. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: t.ljubimova@yandex.ru

В статье проводится концептуальная грань и рассматривается пересечение интеллектуальных траекторий (французского) структурализма 50–60-х гг. и постструктурализма 70-х гг.; их взаимодинамика определяется как реакция разума на давление обезличенных, унифицированных схем в логике структурализма против свободной импровизации и вольной интерпретации вместо тотальных объяснений в интерпретации постструктурализма. В статье устанавливается носящая парадоксальный характер концептуальная идентичность между, с одной стороны, постструктурализмом (и гомогенным, во многом идентичным ему деконструктивизмом) и, с другой стороны, конструктивизмом с характерным для него процессом демонтажа языка – социально-идеологических языков, социолектов. Это закономерно приводит авторов к анализу принципов парадоксальности, сформулированных постструктурализмом (пять принципов парадоксальности Делеза – парадокс регресса, парадокс стерильного раздвоения, парадокс нейтральности, парадокс абсурда, парадокс Леви-Строса); рассматриваются паралогии постструктуралистов через парадоксальную денотацию; анализируется феномен парадоксальности позднего Р. Барта, становящейся сюжетообразующим принципом наррации. Постструктурализм концептуализируется в статье как первый решительный шаг постмодернизма; констатируется близость постструктуралистской и постмодернистской приверженности пародии, игре, иронии. Раскрывается теория языковых игр в интерпретации постмодерна; одна из этих игр – игра в карнавал – рассматривается в диахронической ретроспективе; устанавливается близость пародийно-карнавальной традиции постструктурализма/постмодернизма романтической иронии XIX в. и несоответствие ее народной смеховой культуре. Генезис постструктурализма/постмодернизма связывается с идеологической перезагрузкой западного общества на излете идей Сопротивления, с разочарованием левых европейских интеллектуалов в «великих сказаниях» и иллюзиях марксизма. Размытые концепты релятивизма связываются с взаимонесоразмерностью разных пластов исторического опыта.

Ключевые слова: Структурализм, постструктурализм, конструктивизм, деконструктивизм, постмодернизм, парадокс, паралогия, романтическая ирония, карнавальная смех, ирония

POST-STRUCTURALISM: PARADOX AS A METHOD

Vladimir L. Schulz –
DSc in Philosophy,
Corresponding Member
of the Russian Academy
of Sciences.
Lomonosov Moscow State
University.
GSP-1, Leninskie Gory,
Moscow, 119991,
Russian Federation;
e-mail: cona01@yandex.ru

Tatiana M. Liubimova –
DSc in Philosophy, Professor.
Lomonosov Moscow State
University.
GSP-1, Leninskie Gory,
Moscow, 119991,
Russian Federation;
e-mail: t.liubimova@yandex.ru

The article draws a conceptual distinction the (French) structuralism of the 50's–60's and the post-structuralism of the 70's, which are discussed as overlapping in their intellectual paths; their mutual dynamics is defined as a reaction of the intelligence to the pressure of depersonalized unified schemes within the logic of structuralism against free improvisation and loose interpretation instead of total explanations in the post-structuralism interpretation. The article establishes a conceptual identity of the paradoxical nature between post-structuralism (and deconstructionism, which is homogeneous and identical thereto in a number of aspects), on the one hand, and constructionism with its specific process of language dismantling – social/ideological languages, social group dialects, on the other hand, which naturally leads the authors to the analysis of the paradoxicality principles, defined by post-structuralism (five principles of paradoxicality of Gilles Deleuze – paradox of regress, paradox of sterile reiteration, paradox of neutrality, paradox of absurd, paradox of Lévi-Strauss); post-structuralists' paralogisms are examined through paradoxical denotation; the late Roland Barthes' phenomenon of paradoxicality, becoming a plot-forming principle of narration, is analyzed. Post-structuralism is conceptualized in the article as the first decisive step of post-modernism; the affinity of post-structuralist and post-modernist commitment to parody, game and irony is stated; the theory of language games in post-modern interpretation is explored; one of those games – a game of carnival – is explored within the diachronic retrospective; the affinity of parody and carnival tradition of post-structuralism and post-modernism to the romantic irony of the XIXth century and its inconsistency with the popular culture of laugh is established. The genesis of post-structuralism and post-modernism is connected with the ideological restart of the Western society before the “very end” of the Resistance ideas and the disappointment of the left European intellectuals in the “great legends” and illusions of Marxism. The blurred concepts of relativism are connected with the mutual disproportion of different layers of historical experience.

Keywords: structuralism, post-structuralism, constructionism, deconstructionism, post-modernism, paradox, paralogism, romantic irony, carnival laugh, irony

Интеллектуальная культура Франции последнего десятилетия пережила второе пришествие так называемой «французской теории». Это связано с новой волной интереса к структурализму и пост-структурализму: она вобрала в себя философскую, психоаналитическую, мемуарно-публицистическую струю [Alfandary, 2016; Bamford, 2017; Cherniavku, 2012; Jacques, 2014; Lapoujade, 2014; Messenger, 2019; Ramond, 2018]; смешала семиотический подход и лингвистику текста [Birnbbaum, 2021; Weil, 2018], окунула сенсационный эпатаж деклараций французских теоретиков в спокойное течение культурной

традиции [Diaz et al., 2019; Pommier, 2017]. Это второе пришествие французской теории может быть также осмыслено как революция – революция в этимологическом значении этого слова, ибо «история учит, что революция только в одном из своих значений предполагает радикальный разрыв традиций. Второй, изначальный смысл концепта революции, – это возвращение уже бывшего» [Касавин, Шиполава, 2022, с. 18]. Идеи французских интеллектуалов 70–80-х гг., этих «блудных сынов» картезианства, неизбежно возвращаются к своей матрице, заложенной еще дидактикой школьных штудий культуры классицизма, архетипом которой являются, как известно, три единства – **единство места, времени и действия**.

Приблизили ли нас французские структуралисты/постструктуралисты к новому осмыслению этой триады философских категорий? Наметим пунктиром линию идейной преемственности.

От единства места к играм с пространством. Как отмечает О.А. Лавренова, «ризома» – концепт, родившийся в философии постструктурализма и постмодернизма и подразумевающий неограниченное ветвление структур и смыслов, где отсутствуют приоритетные позиции» [Лавренова, 2021, с. 184]. «В новых социально-политико-философских исследованиях [Springer, 2016] ризоматическая структура и отказ от иерархии рассматривается в корреляции с принципами организации общества в теориях классиков анархизма» [Там же].

От единства времени ко времени, обращенному вспять.

В представлении позднего Р. Барта, осмысляющего и переосмысляющего весь опыт структурализма и постструктурализма, субъект может и должен идти *против течения времени, следуя примеру греков, которые вступали в Смерть, пятая – их прошлое было впереди* [Шульц, Любимова, 2018]. «По Барту, у греков – впереди их прошлое, иначе говоря, их мертвые; еще точнее, ибо множественное число имеет здесь дистрибутивный смысл, у каждого грека впереди его прошлое и его мертвые» [Мильнер, 2005, с. 90]. Если согласно Беньямину, Ангел истории пятая вступает в будущее, то, согласно Барту, субъект возвращает мертвым жизнь, против течения которой он пошел: на фотографии Барт встречает свою мать в облике девочки.

Единство действия. Если за единство действия человечества в ходе всего цивилизационного развития принять процесс познания мира, то постструктуралисты и в архетип «единства действия» внесли свои коррективы – они едва ли не первыми отказались от абсолюта истины. «Раньше в эпистемологии считалось само собой разумеющимся, что фундаментальным благом с чисто эпистемологической точки зрения является истина. Такой веритизм больше не является данностью, поскольку некоторые философы выступают за плюрализм эпистемических ценностей, согласно которому истина является... одним из нескольких нередуцируемых эпистемических благ» [Pritchard, 2021, р. 22]. Мысль американского исследователя идет тем самым «магистральным путем»,

который проложен французскими постструктуралистами полвека назад. Однако с точкой зрения Д. Притчарда согласны не все исследователи, и их мнения выливаются обстоятельную дискуссию о сущности веритизма, развернувшуюся на страницах журнала «Эпистемология и философия науки» в 2021 г. В частности, Д. Притчард утверждает, что в споре об эпистемических ценностях в качестве концептуально первичного понятия следует рассматривать не понятие эпистемического блага, а понятие интеллектуально добродетельного исследователя. Ему возражает С.М. Левин, полагая, что предложенное решение основано на круговой аргументации: «Так, необходимая добродетель для интеллектуально добродетельного исследователя состоит в том, что он предпочитает весомую истину тривиальной, и в то же время весомая истина выше, потому что это цель интеллектуально добродетельного исследователя» [Левин, 2021, с. 54]. Нам же представляется, что предложенное Д. Притчардом решение основано скорее на итерации, выстраивающей ряд, который можно продолжать бесконечно долго (Джек построил дом, а потом еще дом, а потом еще дом...), ибо добродетельность исследователя должна быть верифицирована, т.е. подтверждена аргументами и фактами, а если абсолютных аргументов не существует, то мы будем бесконечно находиться в поисках все новых и новых относительных аргументов.

Итак, революция в значении «возвращения уже бывшего» применительно к структурализму и постструктурализму сопряжена с переосмыслением пространственных, временных и актантных категорий и тем самым представляет интерес для эпистемологии, соответствуя таким ее принципам, как критицизм и субъектоцентризм.

Вернемся к другому, общеупотребительному сегодня значению концепта «революция». Революция в значении «коренного переворота» тоже имела место в пост-истории рассматриваемых идейных течений. В конце XX в. постструктурализм и шире – постмодернизм потеснились, уступив место метамодернизму (он же – постпостмодернизм), который принес с собой новые вызовы и эксперименты. Все эти тенденции, явные и латентные, безусловно требуют обстоятельного и критического рассмотрения, что и является задачей настоящей статьи. Причем задачу предстоит решать в формате феноменологии индивидуальной специфичности, расплетая идейные ветви структурализма, постструктурализма, деконструктивизма, упорно не дающие себя распутать.

Феноменология разрыва между структурализмом и постструктурализмом

«Бракосочетание между языком и бессознательным – уже нечто свершившееся», – говорится в авторском предисловии Ж. Делеза к философской работе «Логика смысла» [Делез, 1998, с. 12]. Но если «бракосочетание» языка и бессознательного обставлено в теории и практике французских интеллектуалов со всей картезианской ясностью концептуальных позиций, то «семейный» разрыв между французским структурализмом 50–60-х гг. (Р. Барт, М. Фуко, К. Леви-Строс) и французским постструктурализмом 70-х гг. (Ж. Делез, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр, Ю. Кристева, Ж.Ф. Лиотар и снова Р. Барт) омрачен размытостью философских берегов. Сложность заключается не только в том, что философский водораздел между структурализмом и постструктурализмом рассекает на две части творческий путь одного из самых влиятельных мыслителей XX в., Р. Барта, «перекодируя» его со структурализма на постструктурализм; и не в мятежном имени М. Фуко, которое традиционно связывают то со структурализмом, то с постструктурализмом. Сложность заключается в их подвижном идейном «соседстве», в сложном пересечении интеллектуальных траекторий.

Постструктурализм «родился не после “смерти” структурализма, а как бы пророс в тех “трещинах”, которыми изобиловала монолитная, на первый взгляд, структуралистская конструкция; у структурализма и постструктурализма есть общая проблематика, но они находятся в отношении своеобразной взаимной инверсии» [Косиков, 2000, с. 9]. Если структурализм, попытавшийся разоблачить иллюзии разума средствами самого разума, представлял собой самокритику сознания, стремящегося освободиться от своих нелегитимных порождений, то постструктурализм обвинил в “метафизичности” разум как таковой» [Там же, с. 30]. *Тем самым на марже когнитивного поля современной эпистемологии столкнулись пост-субъектоцентризм и пост-нормативизм.*

Чтобы прояснить специфику структурализма и постструктурализма, сопоставим два интертекстуальных элемента естественнонаучного характера, которые мы будем рассматривать как эпистемы: (1) один из них приводится Ч.С. Пирсом, а (2) другой – Р. Декартом в работе «Размышления о первой философии».

(1) В книге «Роль читателя» У. Эко заново прочитывает иллюстративный фрагмент из работы Ч.С. Пирса «Элементы логики. *Grammatica speculativa*»: «Если вы заглянете в учебник химии, чтобы найти определение *лития*, вы, наверное, прочтете, что этот элемент с атомным весом, почти равным 7. Но если у автора учебника более логический склад ума, он сообщит вам, что вы среди стекловидных,

полупрозрачных минералов серого или белого цвета, очень твердых, ломких и нерастворимых, отыщите такой, который придает темно-красный оттенок бесцветному пламени; и если этот минерал, будучи растерт в порошок вместе с известью или витеритовым крысиным ядом и затем расплавлен, станет частично растворимым в соляной кислоте... – то материал этого шарика и есть образец лития. Особенность этого определения – или, скорее, наставления, которое более пригодно для использования, чем определение, – заключается в том, что оно говорит вам о значении слова «литий», указывая, что вам следует *сделать*, чтобы получить перцептуальное (чувственное) знакомство с данным объектом мира» [Эко, 2007, с. 313].

Этот пример из области химии иллюстрирует принципы *структурализма*, причем основные подобия намечаются по линии семиотики. Если Ч.С. Пирс считается основоположником семиотики; то теоретик французского структурализма Р. Барт придает семиотике новый статус, включая в нее различные коннотативные знаковые системы. Интерпретирующий Пирса У. Эко, выступая связующим звеном между различными семиотическими подходами, создает свою текстовую структуру. Химический пример Пирса демонстрирует именно типичную «знаковую ситуацию» (семиозис), т.е. взаимодействие, в котором одно нечто выступает знаком другого нечто (объекта) для третьего нечто (интерпретатора), и эта ситуация означивания может быть наглядно представлена совокупностью сообщающихся сосудов с химической жидкостью, состав которой в одном сосуде будет влиять на состав в другом сосуде, а тот, в свою очередь, – на состояние сознания интерпретатора [Там же, с. 469].

Изучаемые Р. Бартом коннотативные знаковые системы, усваиваемые человеком через посредство языка, – это и есть социальные, психологические, экономические, эстетические, эпистемологические, бытовые структуры, тотальные и доминирующие, давящие и гнетущие, ограничивающие свободу человека, загоняющие его в строго отведенные для него жизненные ниши, отводя ему роль пешки на шахматной доске или бильярдного шара, загнанного в лузу. В химическом примере Пирса символом этих доминирующих структур являются различные химические вещества, поочередно *препарирующие* порошок.

(2) Если мысленный эксперимент Пирса позволил символизировать формальные принципы *структурализма*, то виртуальным химическим опытом Декарта мы воспользуемся, чтобы продемонстрировать рефлексии *постструктурализма*, и эта последняя референция тем более обоснованна, что на нее указывают сами теоретики (например, Ж. Делез, который в работе «Логика смысла» ссылается на Декарта): «Возьмем, к примеру, вот этот воск: он совсем недавно был извлечен из пчелиных сот и еще не утратил до конца аромат меда; немножко осталось в нем и от запаха цветов, с которых этот мед был собран... Но вот, пока я это произношу, его приближают к огню:

сохранившиеся в нем запахи исчезают, аромат выдыхается, меняется его цвет, очертания расплываются, он увеличивается в размерах, становится жидким, горячим, едва допускает прикосновение и при ударе не издает звука. Что же, он и теперь остается тем воском, что и прежде? Надо признать, что да, – никто этого не отрицает, никто не думает иначе. Так что же именно в нем столь отчетливо мыслилось? Разумеется, ни единое из тех свойств, кои я воспринимал при помощи чувств; ведь все то, что воздействовало на вкус, обоняние, зрение, осязание или слух, теперь уже изменилось: остался только воск. Пожалуй, он был тем же воском, какой я мыслю и теперь: ведь воск как таковой был не сладостью меда, не ароматом цветов, не близкой, присущей ему ранее, не очертаниями или звуком, но телом, которое только что представлялось мне наделенным этими свойствами, теперь же – совсем другими. Однако что именно есть то, что я подобным образом себе представляю? Будем внимательны и, отбросив все, что не имеет отношения к воску, посмотрим, что остается. Но не остается ничего, кроме некоей протяженности, гибкости и изменчивости...» [Декарт, 1994].

По мысли Ж. Деррида, «когда Декарт задается вопросом: *quae-nam vero est haec cera?*¹, он имеет возможность свести сущность этого куска воска к вневременной простоте умопостигаемого объекта» [Деррида, 2000а, с. 368]. Однако главное в том, что в рассуждениях Декарта возникает метафизический круг: существование субстанции (воска) удостоверяется только через самосознание. Эта картезианская метафизика близка постструктурализму, в системе которого речь идет не об истине или лжи, а о достоверности или иллюзии.

Метафизика, означающая бытие как жизнь чистой субъективности, определила и логику познания постмодерна: не «Я могу доказать, поскольку действительность такова, как я сказал», но «Поскольку я могу это доказать, то можно считать, что действительность такова, как я сказал» [Лиотар, 1998, с. 64]. Постструктурализм – это свободная импровизация и вольная интерпретация вместо тотальных объяснений и «великих сказаний»; метафизичность разума против «пленников ничего не объясняющих схем» (Ж.-П. Сартр).

Эта созидаящая субъективность, несомненно, предопределяет близость постструктурализма эпистемологическому конструктивизму – течению современной философии, понимающему познание как активное построение субъектом модели мира); а реальность – как антропогенный, антропоморфный и аксиологичный феномен. «Основополагающая идея конструктивизма состоит в том, что наше знание о мире не просто дано или получено пассивным путем. Многолетние эксперименты в области психологии восприятия демонстрируют, что мы активно “конструируем” свои знания и представления о мире...

¹ Каков же этот воск? – лат.

Конструктивизм можно рассматривать как общую эпистемологию» [Пим, 2018, с. 149].

Поэтому с известной долей условности (которая, впрочем, не противоречит методологии постструктурализма, ибо «целостный охват... определяется то как бесполезный, то как невозможный» [Деррида, 2000с, с. 363]) можно утверждать, что *постструктурализм – это конструктивизм (одна из его ветвей)*.

Конструктивизм и деконструктивизм как схождение противоположностей

Однако постструктурализм взаимосвязан также с деконструктивизмом, ибо в основу анализа текстов постструктуралисты положили принцип «деконструкции». Речь идет о деконструкции языка, «о том, чтобы явно и систематически ставить проблему статуса дискурса, заимствующего из наследия необходимые для де-конструкции самого же этого наследия дискурсы» [Деррида, 2000с, с. 356].

По мысли левых деконструктивистов (Ж. Деррида, А.-Ж. Греймас, М. Рьян), перед современными мыслителями стоит задача демистифицировать идеологические мифы, рожденные обществом, путем деконструкции риторических конструктов этого общества. Французский писатель-постструктуралист Ф. Соллерс говорил о том, что всякое письмо, желает оно того или нет, является политическим. Письмо есть продолжение политики другими средствами. Язык, по мысли Ф. Соллерса, функционирует в «тексте капиталистического общества», а поэтому демонтаж «буржуазного языка» является наиболее эффективным способом демонтажа буржуазной системы. Но деконструкции подвергается не только язык – социально-идеологические языки, социолекты, но и другие доминирующие структуры.

Скажем предварительно, что деконструктивизм, который возник в конце 60-х гг. и приоткрылся актом прочтения Дерридой Хайдеггера, следует, видимо, рассматривать инструментально: с помощью этого инструмента, выработанного еще в 60-е гг., который дал возможность «заглянуть внутрь одного текста и увидеть в нем другой, растворить один текст в другом и встроить один текст в другой» [Харви, 2021, с. 122], постмодернисты заявили о себе в 80-е гг., отстаивая свой новый способ мышления. Поэтому деконструктивизм мы будем считать инструментом, т.е. образно осознавать его как «нож», рукоятка которого сфабрикована еще в 60-е гг., а лезвие добавлено в 80-е.

Если обратиться к размышлениям Деррида о Леви-Стросе (к его работе «Дикая мысль», где под именем бриколажа представлен дискурс: бриколер – это тот, кто пользуется подручными средствами;

в противоположность ему инженер должен построить весь свой язык – и синтаксис, и лексику), то, на его взгляд, представление об инженере, порвавшем со всяким бриколажем, есть представление теологическое. В этом ракурсе деконструктивизм разрушает не только социолекты и идеологические структуры, но и всю «цепочку следующих друг за другом определений центра» (Деррида). Деррида считает, что центр не может быть помыслен в форме некоего присутствующего сущего, что центру нет естественного места, что он является функцией, в которой до бесконечности разыгрываются подстановки знаков. Отсутствие трансцендентального означаемого расширяет поле и игру означивания до бесконечности [Деррида, 2000с, с. 353].

Таким образом, подставив вместо термина «*деконструктивизм*» структурно эквивалентный ему термин «*постструктурализм*», мы можем констатировать, что *деконструктивизм* – это *конструктивизм*, и это противоречие созвучно принципам парадоксальности, сформулированным Делезом в работе «Логика смысла» [Делез, 1998, с. 48–74].

Парадоксы постструктурализма

Первый из них – парадокс регресса, или неопределенного размножения, отсылающий к парадоксу Г. Фрего «бесконечном размножении вербальных сущностей»). По мысли Делеза, когда мы говорим, смысл лишь предполагается, мы не проговариваем смысл того, о чем пойдет речь. С другой стороны, мы всегда можем сделать смысл того, о чем говорим, объектом следующего предложения, смысл которого мы при этом тоже не проговариваем. Таким образом, мы попадаем в бесконечный регресс того, что подразумевается. По сути, Делез имеет в виду такое явление семантики, как пресуппозиция – компонент смысла, который должен быть истинным, чтобы предложение считалось истинным или ложным.

Второй парадокс – парадокс стерильного раздвоения, или сухого повторения. Выведенный из предложения, смысл независим от последнего, поскольку приостанавливает как его утверждение, так и отрицание.

Третий парадокс – парадокс нейтральности, или третье состояние сущности. Смысл безразличен к универсальному и единичному, общему и частному, личному и коллективному, а также к утверждению и отрицанию. События никогда не являются причинами друг друга, они вступают в отношения квази-причинности, некоей прозрачной каузальности.

Четвертый парадокс – парадокс абсурда, или невозможных объектов (парадокс Мейнонга). Он вытекает из предыдущего парадокса: предложения, обозначающие несовместимые объекты, имеют смысл. Однако их денотация невыполнима, нет у них и сигнификации. Эти объекты существуют без значения, т.е. они абсурдны. Тем не менее они имеют смысл. Абсурдные объекты – это то же, что «квадратный круг», они из «сверхбытия».

Пятый парадокс – парадокс Леви-Строса (парадокс Робинзона). Две серии, одна из которых, означающая, представляет собой избыток, другая, означаемая, представляет недостаток, соотносятся и отсылают друг к другу, оставаясь в вечном неравновесии и непрестанном несовпадении-смещении. Познаваемое подчиняется закону поступательного движения, перехода с уровня на уровень, уровни надстраиваются друг над другом. Так, на необитаемом острове Робинзон смог воссоздать аналог общественной жизни, только подчинив себя взаимосвязанным правилам и законам.

Таковы, по Делезу, основные позиции парадоксального элемента, функционирующего как вечный двигатель. Его функция заключается в том, чтобы пробегать разнородные серии, координировать их, заставляя резонировать и сходиться в одной точке.

Постструктуралисты не только выстраивают серию парадоксов, образующих теорию смысла, но и раскрывают паралогию через парадоксальную денотацию (индикацию), создавая своего рода «парадоксальность в квадрате» по типу «романа в романе» – излюбленного жанра «новых» и «новых новых» романистов (структуралистского и постструктуралистского направления в литературе): «Центр – это не центр» [Деррида, 2000с, с. 352], «Писать – это не только осмыслить лейбницевскую книгу как невозможную возможность...» [Деррида, 2000d, с. 16], «Речь украдена: украдена у языка и, стало быть, тем самым и у самой себя» [Деррида, 2000b с. 227], «изначальна неизначальность» [Там же, с. 342]. Среди этих формальных (вербальных) парадоксов есть и прозрения, навеянные текстами Гельдерлина, Малларме, Арто: «Читая эти страницы, мы узнаем то, знания чего нам не достичь: что факт мышления может быть только потрясением, что мыслимо в мысли то, что от нее отворачивается и неистоимо в ней истощается [Там же, с. 219]; «Вдохновение есть прежде всего та чистая точка, где его недостает» [Там же].

От постструктурализма к постмодернизму

В мироздании постструктурализма парадоксы и паралогизмы соединяются с другими конструктами, основанными на понимании возвратных импульсов человеческой природы, поступков, истории.

Поскольку *есть все основания концептуализировать постструктурализм как первый решительный шаг постмодернизма, прорвавшегося из более чем столетней традиции западного модернизма*, то естественно предположить, что «истины наизнанку» постструктурализма будут идентичны постмодернистским – склонность к пародии, ирония, отказ от авторитетов, игра, карнавальность. Два последних из этих принципов требуют некоторых уточнений.

(1) Теория языковых игр в интерпретации постмодерна изложена Лиотаром, который приводит три наблюдения. Первое заключается в том, что правила языковых игр не содержат в самих себе свою легитимацию, но составляют предмет явного или неявного соглашения между игроками. Далее, даже небольшое изменение правила меняет природу игры, без правил нет игры. Наконец, языковые акты являются противоборством, агонистикой: говорить – значит бороться.

Лиотар различает денотативную игру, где релевантность принадлежит истинному/ложному; прескриптивную игру, которая исходит из принципа справедливо/несправедливо; техническую игру, основанную на критерии эффективно – неэффективно [Лиотар, 1998, с. 112].

(2) Одна из игр постмодерна – игра в карнавал, в театральную сюиту масок и перевоплощений: «...существование речи, каковая является телом, тела, каковое является театром, театра, каковой является текстом, поскольку он больше не подчинен более древнему, нежели он сам, письму, некоему архе-тексту или архе-речи» [Деррида, 2000б, с. 222–223].

Карнавальность, как известно, является частью народной смеховой культуры, уходящей корнями в Средневековье. По мысли М.М. Бахтина, народно-смеховая культура – «площадные празднества карнавального типа, отдельные смеховые обряды и культы, шуты и дураки, великаны, карлики и уроды, скоморохи разного рода и ранга, огромная и многообразная пародийная литература» [Бахтин, 1965, с. 8] – противостояла официальному феодальному государству и по ту сторону официоза строила вторую жизнь.

Карнавальность постмодерна – это, на наш взгляд, лишь «симулякр» (Ж. Бодрийяр) народной карнавальной культуры. Во-первых, она не противостоит государственному официозу и даже не может ему противостоять хотя бы потому, что таких официозов (идиолектов) множество. Согласно Лиотару, на протяжении XX в. представление об обществе делилось между двумя моделями: общество образует функциональное целое и общество разделено надвое. Первую модель можно проиллюстрировать структурным функционализмом Т. Парсона, вторую – марксизмом. Между этими двумя состояниями общества Лиотар не проводит антитезу; он уходит от деспотизма моносемии (однозначности) в концептуализации общественных отношений, ускользает от всех форм идеологического насилия, но не через ниспровержение, а через дрейф.

Во-вторых, как считает М.М. Бахтин, карнавальн  смех всенароден (смеются все); универсален (он направлен на все и на всех); амбивалентен (он и отрицает, и утверждает, и хоронит, и возрождает) [Бахтин, 1965, с. 17]. Напротив, карнавальн  смех постмодерна не всенароден – это смех интеллектуальн , элитарн . Он не универсален: он никогда не становится, как это было у Рабле, смехом над миром, куда входит сам смеющийся. В карнавальности постмодерна нет амбивалентности – вечно обновляющегося течения народной жизни. Индивид на себе самом замыкает жизненные циклы, интериоризирует истину, становясь демиургом, сверхчеловеком. Автор эссе «Ролан Барт о Ролане Барте» уподобляет себя «эхо-комнате», где возникает стереоскопический эффект от наложения друг на друга самых разных голосов, доносящихся извне: он и есть все эти голоса. Тенденция «приватизировать» карнавальную традицию, поглотив ее постмодерном, заметна у Ю. Кристевой. Она пишет «о цинизме карнавального действия, искоряющего Бога» [Кристева, 2000, с. 443] по поводу той тенденции, которую можно было бы назвать едва лишь фамильяризацией мироотношений, вольностью народа. По ее мнению, «на универсальной сцене карнавала язык сам себя пародирует и сам себя релятивизует» [Там же, с. 444] – напротив, в реальной жизни именно язык цементирует мир, который иначе бы распался на различные сословно-иерархические структуры и изолированные друг от друга житейские и бытовые нормы, он уравнивает неукротимые импульсы «мира наоборот», он является ядром синкретизма карнавального действия.

Карнавальность постмодерна, безусловно, ближе романтической иронии XIX в., чем традициям народной смеховой культуры.

Теория романтической иронии наиболее емко представлена в эстетических работах Ф. Шлегеля.

Предельная общность позиций йенского романтизма и французского постструктурализма намечается по следующим линиям:

- ирония как утверждение безбрежной свободы раскрепощенного сознания;
- универсальность и бесконечность иронии;
- неприятие любых окончательных истин;
- ирония как форма парадоксальности;
- ирония как игра, буффонада при всей относительности установленных правил;
- «подозрительность в отношении всякого пафоса, скептический юмор» [Берковский, 1973, с. 208].

Попытка установить эту идейную преемственность тем более обоснованна, что концептуализация романтической иронии занимает некоторое пространство в теоретических рефлексиях самих постструктуралистов. По мысли Делеза, романтическая ирония полагает говорящего уже в качестве личности, а не просто индивидуальности:

«Статус личности как бесконечного класса, состоящего тем не менее только из одного члена (я), – это и есть романтическая ирония [Делез, 1998, с. 186]. В этом контексте конструирования безбрежной свободы ироника, который живет только своим «я», Делез, однако (в духе свойственных ему парадоксов), апеллирует к С. Кьеркегору, который был не на стороне романтической иронии, противопоставляя ее сократической.

Субъективные подходы к каузальной интерпретации идей структуралистов/постструктуралистов/ постмодернистов

Несмотря на то, что постструктурализм «ускользает» от каузальной интерпретации истории, мы продолжим историческую параллель между немецким романтизмом и французским постструктурализмом в следующем утверждении: как разочарование в результатах Великой французской революции стало решающей предпосылкой интенсивного развития европейского романтизма, так и фрустрация левых европейских интеллектуалов «на излете» великих иллюзий марксизма рассыпала традиционные модели мысли и письма: «Нарративная функция теряет свои функторы: великого героя, великие опасности, великие кругосветные плавания и великую цель. Она расплывается в облака языковых нарративных, а также денотативных, прескриптивных, дескриптивных и т.п. частиц, каждая из которых несет в себе прагматическую валентность *suī generis*. Каждый из нас живет на пересечениях траекторий многих этих частиц» [Лиотар, 1998, с. 11].

Как известно, левые идеи вдохновляли французских интеллектуалов в 40-е гг. – на волне великих идей Сопротивления и теорий неомарксизма. Но по истечении «тридцати славных лет» послевоенного развития стало ясно, что «в коммунистических странах происходит возвращение, под тем же именем марксизма, тоталитарной модели и ее тоталитарных последствий» [Там же, с. 38]. Последствия десталинизации, разоблачение ужасов ГУЛАГа, советская борьба с инакомыслием, подавление протестных движений в странах социалистического содружества подорвали веру в марксистское «великое сказание», которая объединяла левых мыслителей и интеллектуалов.

Исключительность идеологической «перезагрузки» общества заключалась в том, что она происходила на фоне резкого ускорения социальных перемен, характерного для последних десятилетий прошлого века (как и для настоящего времени), так что исторический рубеж прошелся по жизни одного поколения, разделив на две несо-

местимые части его мировоззрение и опыт. Это поколение, бунтари 68 года, «*enfants terribles*», одержимые социально-политическими парадоксами («Будьте реалистами, требуйте невозможного!»), сначала вышли на баррикады, пытаясь «привести к общему знаменателю» очевидные противоречия истории, но потом смирились с мирным сосуществованием дискордантных идей в общественном сознании (и гетерогенных образов в коллективном бессознательном). Взаимнесоразмерность разных пластов исторического опыта избавила это поколение от претензии на истинность выводов, подвергла деконструкции тотальную теорию и сконструировала размытые концепты релятивизма.

В заключение подведем некоторые, не претендующие, в свою очередь, на «тотальность», выводы: современный «ренессанс» структурализма и постструктурализма представляет определенный интерес для *эпистемологии*. Во-первых, потому, что классические отношения истинности размываются, соответственно, пост-субъектоцентризм (структурализм) и пост-нормативизмом (постструктурализм). Во-вторых, классическая структура знания вытесняется свободной импровизацией и вольной интерпретацией – вплоть до парадоксов и абсурда (конструктивизм совпадает с деконструктивизмом вопреки формальной нетождественности их этимонов – конструкции и деконструкции). В-третьих, постструктурализм представляет собой первый решительный шаг постмодернизма, который сегодня потеснен последующими трендами (квирки, вирутопизм, историопластичность, супергибридность, маньеризм и др.), способными сделать неузнаваемым познаваемый нами мир.

Список литературы

Бахтин, 1965 – *Бахтин М.М.* Творчество Ф. Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худож. литература, 1965. 542 с.

Берковский, 1973 – *Берковский Н.Я.* Романтизм в Германии. Л. Худож. литература, 1973. 511 с.

Декарт, 1994 – *Декарт Р.* Размышления о первой философии // *Декарт Р.* Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1994. С. 3–71.

Делез, 1998 – *Делез Ж.* Логика смысла. М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 480 с.

Деррида, 2000а – *Деррида Ж.* Фрейд и сцена письма // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000а.

Деррида, 2000б – *Деррида Ж.* Навейная речь // *Деррида Ж.* Письмо и различие. М.: Академический проект, 2000.

Деррида, 2000с – *Деррида Ж.* Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // *Деррида Ж.* Письмо и различие. М.: Академический проект, 2000.

Деррида, 2000d – *Деррида Ж. Сила и значение // Деррида Ж. Письмо и различие. М.: Академический проект, 2000.*

Касавин, Шиповалова, 2022 – *Касавин И.Т., Шиповалова Л.В. Современная философия науки: вечное возвращение // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. № 4. С. 6–20.*

Косиков, 2000 – *Косиков Г.К. «Структура» и/или «текст» (Стратегии современной семиотики) // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000. С. 3–48.*

Кристева, 2000 – *Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000. С. 427–457.*

Лавренова, 2021 – *Лавренова О.А. Игры с пространством // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 1. С. 178–198.*

Левин, 2021 – *Левин С.М. Интеллектуально добродетельный исследователь и практическая ценность истины // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 1. С. 54–59.*

Лиотар, 1998 – *Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Ин-т экспериментальной социологии, 1998. 160 с.*

Мильнер, 2005 – *Мильнер Ж.-К. Философский шаг Ролана Барта // Республика словесности. Франция в мировой интеллектуальной культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 58–102.*

Пим, 2018 – *Пим Э. Теоретические парадигмы в переводоведении. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2018. 254 с.*

Притчард, 2021 – *Притчард Д. В защиту веритизма // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 4. С. 22–38.*

Харви, 2021 – *Харви Д. Состояние постмодерна: Исследование истоков культурных изменений. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 575 с.*

Шлегель, 1976 – *Шлегель Ф. Фрагменты // Зарубежная литература XIX века. Романтизм. Хрестоматия. М.: Просвещение, 1976. С. 18–20.*

Шульц, Любимова, 2018 – *Шульц В.Л., Любимова Т.М. Молчание как конструкт дискурса в социолингвистике // Социологические исследования. 2018. № 12. С. 84–93.*

Эко, 2007 – *Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и итал. С. Серебряного. СПб.: Symposium; М.: Изд-во РГГУ, 2007. 502 с.*

References

Alfandary, 2016 – *Alfandary, I. Derrida – Lacan. L'Écriture entre psychanalyse et déconstruction. Paris: Hermann, 2016. 311 pp.*

Bakhtin, M.M. “*Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaia kul'tura srednevekov'ia i Rennanssa*” [Rabelais and His World]. Moscow: Khudozhestvennii literatura, 1965, 542 pp. (In Russian)

Bamford, 2017 – *Bamford, K. Jean-François Lyotard (Critical Lives). London: Reaktion, 2017. 224 pp.*

Berkovsky, N.Y. *Romantizm v Germanii* [Romanticism in Germany]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1973, 511 p. (In Russian)

Birnbaum, 2021 – Birnbaum, J. *Le Courage de la nuance*. Paris: Seuil, 2021, 144 pp.

Cheniavky, 2012 – Cheniavky, A. *Concept et méthode. La Conception de la philosophie de Gilles Deleuze*. Paris; Publications de la Sorbonne, 2012, 328 pp.

Descartes, R. “Razmyshleniya o pervoy filosofiyi” [Meditations on First Philosophy], in: Dekartes, R. *Sochineniya: v 2 t. T. 2.* [Descartes R. *Works in 2 Volumes. Vol. 2.*] Moscow: Mysl, 1994, pp. 3–71. (Trans. into Russian)

Deleuze, G. *Logika smysla* [Logique du sens]. Moscow: Raritet, Ekaterinburg: Delovaya Kniga, 1998, 480 pp. (Trans. into Russian)

Derrida, J. “Freid i stena pis'ma” [Freud et la scène de l'écriture], in: *French Semiotics: from Structuralism to Post-Structuralism*. Moscow: Progress, 2000a, 432 pp. (Trans. into Russian)

Derrida, J. “Navejannaja rech'” [La parole soufflée], in: Derrida, J. *L'écriture et la différence*. Moscow: Academic Project, 2000b. (Trans. into Russian)

Derrida, J. “Structura, znak i igra v diskurse gumanitarnykh nauk” [La structure, le signe et le jeu dans le discours des sciences humaines], in: *L'écriture et la différence*. Moscow: Academic Project, 2000c. (Trans. into Russian)

Derrida, J. “Sila i znachenie” [La Force et la signification], *L'écriture et la différence*. Moscow: Academic Project, 2000d. (Trans. into Russian)

Diaz et al., 2019 – Diaz, J.-L.; Labbé, M. *Les XIXe siècles de Roland Barthes*. Paris: Presses universitaires de France, 2019, 127 pp.

Eco, U. *Rol' chitatelja. Issledovaniya po semiotike teksta* [The Role of the Reader. Exploration in the Semiotics of Texts]. St. Petersburg: Symposium; Moscow: Publishing House of the Russian State University of Humanities, 2007, 502 pp. (Trans. into Russian)

Harvey, D. *Sostojaniye postmoderna: Issledovanie istokov kulturnykh izmenenij* [The Condition of Postmodernity: An Inquiry into the Origins of Cultural Change]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2021, 575 p. (Trans. into Russian)

Jacques, 2014 – Jacques, V. *Deleuze. Pas à pas*. Paris: Ellipses, 2014. 224 pp.

Kasavin, I.T., Shipovalova, L.V. “Sovremennaya filosofiya nauki: vechnoe vozvrashchenie” [The Contemporary Philosophy of Science: An Eternal Return], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2022, vol. 59, no. 4, pp. 6–20. (In Russian)

Kosikov, G.K. “Struktura” i/ili “tekst” (Strategii sovremennoj semiotiki) [“Structure” an/or “Text” (Strategies of Modern Semiotics)], in: *Frantsuzskaya semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French Semiotics: From Structuralism to Post-Structuralism]. Moscow: Progress, 2000, pp. 3–48. (In Russian)

Kristeva, J. “Bakhtin, slovo, dialog i roman” [Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman], *Frantsuzskaya semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French Semiotics: From Structuralism to Post-Structuralism]. Moscow: Progress, 2000, pp. 427–457. (Trans. into Russian)

Lapoujade, 2014 – Lapoujade, D. *Deleuze, les mouvements aberrants*. Paris: Minituit, 2014, 304 pp.

Lavrenova, O.A. “Igra s prostranstvom” [Games with Space], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2021, vol. 58, no. 1, pp. 178–196. (In Russian)

Levin, S.M. “Intellektual’no dobrodetel’nij issledovatel’ i prakticheskaia tsenost’ nauki” [Intellectually Virtuous Inquirer and the Practical Value of the Truth], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2021, vol. 58, no. 4, pp. 54–59. (In Russian)

Liotard, J.-F. *Sostojanje postmoderna* [La Condition postmoderne]. Moscow: Institute of Experimental Sociology, 1998, 160 pp. (Trans. into Russian)

Messenger, 2019 – Messenger, M. *Roland Barthes*. Paris: Presses universitaires de France, 2019, 127 pp.

Milner, J.-C. “Filosofskii shag Rolana Barta” [Le Pas philosophique de Roland Bartes], *Republic of Language Arts. France in the World Intellectual Culture*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2005, pp. 58–102. (Trans. into Russian)

Pim, E. *Teoreticheskie paradigmy v perevodovedenii* [Theoretical Paradigms in Translation Studies]. St. Petersburg: Publishing House of Saint Petersburg University, 2018, 254 pp. (Trans. into Russian)

Pommier, 2019 – Pommier, R. *Roland Barthes, grotesque de notre temps, grotesque de tous les temps*. Bruxelles: Impressions nouvelles, 2019, 266 pp.

Ramond, 2018 – Ramond, Ch. *Derrida. Une philosophie de l’écriture*. Paris: Ellipses, 2018, 220 pp.

Schulz, V.L., Liubimova, T.M. “Molthanije kak konstrukt diskursa v sotsioligvistike” [Silence as a Discourse Construction in Sociolinguistics], *Sotsiologičeskie issledovanija*, 2018, no. 12, pp. 84–93.

Springer, 2016 – Springer, S. *The Anarchist Roots of Geography. Toward Spatial Emancipation*. Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 2016, 230 pp.

Weyl, 2018 – Weyl, D. *Écriture et représentation*. Paris: Harmattan, 2018, 242 pp.